

ВЛАД КАПУСТИН

ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

Снайпер

Все произошло так быстро, что я не успел даже толком что-нибудь понять. С криком: «Ах, ё...» Костя схватился за живот. Автомат «калашникова» упал рядом со своим владельцем без всякого стука, прикладом упершись в голову мертвого бородатого чеченца с зеленой повязкой на голове и широко открытыми изумленными глазами.

– Костя, куда тебя? – отбросив в сторону гранатомет, кинулся я на помощь. Ответа не было. Дикий рев смертельно раненого человека эхом раскатился по почти пустынной улице и тут же затих. Бледное лицо почти без крови выражало муки пока непонятной для меня боли. Костя потерял сознание. Кровь бордовым родничком била из-под скрюченных пальцев, сжимающих низ живота. Вокруг лежали десятки трупов русских и чеченцев. От трупного разложения спасало только зимнее время.

– Сейчас, брат, погодь, сейчас – дрожал я, снимая с себя пропахший потом бушлат. Сняв также свою афганку, я с трудом разжал уже синеющие, остывавшие от человеческого тепла пальцы и с превеликим трудом как мог, перевязал товарища. Кровь текла уже не так сильно, но сознание к Косте не возвращалось. Я попытался оттащить его в полуразваленный дом, оставаться на безлюдной улице разрушенного Грозного было не безопасно. Но как только я попытался это сделать, одна за другой просвистели две пули, причем одна слегка царапнула правое плечо, и я почувствовал, как теплая кровушка потекла до локтя.

– Кровь, опять кровь.

Проклятая война! – Выругался я.

Этот снайпер меня все-таки достал и морально и физически.

– Сейчас я тебя сделаю, сука чеченская. – В моем сознании только месть и злоба.

«Возлюби ближнего своего, как самого себя», – почему-то вспомнилось из Нового Завета. Господи, как я могу его возлюбить? Наверное, я чего-то не понимаю. Вразуми меня, Господи. Я перекрестился и, уже не думая о последствиях, схватив гранатомет, какими-то немыслимыми прыжками-перебежками проскочил улицу и влетел в дом напротив, откуда еще недавно прозвучали выстрелы.

«Сейчас, гад, погодь малость, я уже иду к тебе», – стучало в висках. Где-то в районе пятого этажа вновь раздались выстрелы. «Вот я тебя и засек», – пронеслось в голове. Стараясь не шуметь и

осторожно, обходя любые препятствия вплоть до битых кирпичей, всюду валявшихся вдоль лестничной клетки, я все ближе подбирался к своей цели. Где-то совсем рядом вновь раздался выстрел. Теперь я уже точно знал, куда идти, и неслышно по-кошачьи шагнул в небольшую без входных дверей комнатуху. У небольшого окна спиной ко мне стояла черноволосая, ничего не подозревавшая девушка. Она внимательно смотрела на улицу, как будто кого-то, ожидая, в руках сжимала карабин с оптическим прицелом. Может, это и есть одна из тех баб-снайперов, про которых у нас ходили по полку слухи? Помню, как мы с Костей пожимали плечами на вопросы очередного заезжего корреспондента о каких-то – снайперах, именующих себя «белыми колготками».

– Эй, сука, повернись ко мне и прими смерть свою! – Я мог бы убить ее сразу, наверное, я бы так и сделал, если бы это был мужчина. Но мне хотелось увидеть ее глаза, глаза женщины, жизнь не дающую, а

забирающую. Ее плечи вздрогнули, и она, резко повернувшись на окрик, выстрелила в мою сторону. Но я этого ожидал и поэтому успел спрятаться, за изрешеченную осколками пуль и гранат стену нежилой комнаты.

– Брось пушку, стерва. – Ствол РПГ–7 (название гранатомета) был нацелен ей прямо в голову, оставалось нажать только курок. Она стояла ничего, не предпринимая и ни на что не реагируя. Я понял, что ее просто парализовало от страха, и она в данный момент не понимает моих слов. Ужас стоял в ее глазах. Красивые губы, предназначенные для любви, были плотно сжатыми и посиневшими. Вдруг что-то знакомое мелькнуло в этом лице, и я, еще не веря такой встрече, срывающимся голосом спросил:

– Ирина?

Девушка словно очнулась и вопрошающе посмотрела на меня.

Ну да, я не мог ошибиться. Это была Ирка, с нашего двора. Перед тем как переехать на последнее место жительства в Екатеринбург, мы жили во Львове. Как только начались эти самостийные движения, мы с семьей во время произвели обмен квартир и уехали на свою историческую родину, а Ирка осталась на «своей земле», как тогда она и подобные ей называли «Батькивщину». Я знал, что она была уже тогда членом УНСО (Украинский националистический союз обороны) и с гордостью таскала на все митинги красно-черное знамя своей организации.

– Вот, значит, где довелось встретиться, подружка, – усмехнулся я. – Что, с долларами туго на Украине стало? Никак подзаработать решила? Или москалей пострелять захотелось?

Теперь она меня узнала. Испуг прошел также быстро, как и появился. В ее глазах появилась надежда.

– Иван, ну ты же знаешь, наши цели и идеи... – начала она.

Я ее перебил:

– Знаю, знаю. Ты бы лучше у себя на Батькивщине экономику поднимала, а не лезла, словно вор в чужое жилье. От Москвы вы стали,

наконец, свободными, правда, жить лучше не стали, хотя и утверждали обратное при добывании своей воли...

– Здесь не место спорить, – оборвала она меня.

– Эге, же, – согласился я, – здесь мы с тобой по разные стороны баррикады. А ведь подумать только когда-то я тебя целовал даже. Чуть какая-то, – сплюнул я. Ты хоть понимаешь, зачем ты здесь? Мой вопрос остался без ответа.

В руках Ирины по-прежнему было оружие, и ее палец оставался на спусковом крючке. Как я этого сразу не заметил?

– Брось карабин в сторону, – приказал я, но было уже поздно. Ее указательный палец начал медленно сжиматься. Почти одновременно мы нажали на свои спусковые крючки, поступить по-другому мы уже просто не могли, да и, наверное, не хотели... Мне снова повезло, пуля рассекла лишь мочку уха, уйдя куда-то в пустоту. После того как немного рассеялась пыль извести и битого кирпича, я увидел то последнее, что осталось от Ирки. Все было всмятку. Повсюду был слышен запах сырой крови, и непонятно откуда взявшиеся доллары, как конфетти летали по комнате. Меня стошнило. Нужно уходить. В этом проклятом городе нельзя долго оставаться в одном и том же месте больше пятнадцати минут. Положение менялось с калейдоскопической быстротой. Военная инициатива могла оказаться в любых руках.

Мои предположения подтвердились довольно быстро. Осторожно спустившись вниз и выглянув из подъезда дома, я увидел двух боевиков – чеченцев. Один из них, по хозяйски, не спеша, приложив свой АКМ к голове Кости, хладнокровно нажал на курок. Костя слегка вздрогнул и как-то непроизвольно вытянулся. Нелепая смерть. Нелепая война. Раздался смех. Нелепый смех. Убийцы чему-то смеялись. Нервы уже не выдерживали. Перезарядив трясущимися руками гранатомет, я выбежал на середину улицы и от пояса, как в крутом голливудском боевике, произвел выстрел.

– Посмеялись, козлы и хватит!

Кому я это кричал? Те, кому предназначались эти слова, их уже никогда не услышат.

... Убегая, прочь от проклятого Богом места, в поисках ушедшего вперед своего полка, вновь вспомнил вещие слова из Нового Завета: «Все люди грешны, потому что все согрешили и лишены славы Божией».

Истинно все так. Прости нас, Господи...

07.95 г.

Незванный гость

**Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно все кругом
Бог ответил: «Подожди немного,
Ты меня попросишь о другом».**

**Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Легкой жизни я просил у Бога...
Легкой смерти надо бы просить...**

-Добей его, - сказал мне майор Коротков и побежал дальше. Только что был взят Чечен-аул, где неожиданно для всех был обнаружен небольшой спиртовой заводик. После успешного, но кровавого боя каждый желал побыстрее попасть в чудом уцелевшее небольшое кирпичное здание. Люди хотели поскорее забыться местным коньяком.

Бородатый чеченец молча лежал на спине. Не обращая ни на кого внимания, он не мигая, смотрел в небо и что-то шептал синеющими губами. Молится, решил я, направляя ствол «калашникова» в лысую голову. Он был ранен в правое плечо и обе ноги. Кровь каплями спелой малины пропитывала землю, делая ее рыжей, отвратительной.

-Ну что, правоверный мусульманин, закончил молиться? Он устало посмотрел в мою сторону, наши глаза встретились.

-Как же я вас собак ненавижу, вы же нелюди, сплошная банда террористов и так по всему свету! Я сплюнул, но спусковой крючок нажимать не торопился. Спокойный взгляд чеченца сдерживал меня выполнить приказ комбата, и я не мог понять почему. Черные глаза умирающего показались знакомыми, как будто я их уже где-то встречал.

Да и само лицо я, несомненно, где-то видел. Черт бы взял этих басурман, почти все стали бриться наголо и жить по законам Шариата, самой опасной и непредсказуемой религии мира.

-Здравствуй, Борис. – кто-то назвал мое имя, и я оглянулся по сторонам, ища того, кто со мной поздоровался. Вокруг никого не было. Слепые окна полуразваленного двухэтажного дома смотрели на меня черными дырами, а моросящий дождь был единственным ощущением этого глухого, пустынного места. Обведя взглядом все вокруг, я снова уставился на чеченца, где-то вдалеке раздались короткие автоматные очереди.

-Не узнаешь? – вновь раздался слабый голос. Я посмотрел на чеченца и только сейчас понял, что говорил именно он. Но откуда он знал мое имя? Как бы отгадав мои мысли, чеченец вновь заговорил:

-Девяносто второй год, купе поезда, Воронеж, в который мы оба ехали...

Господи! Я сразу все вспомнил, хотя прошло три года. У меня была командировка в этот город, а попутчиком, помню, был чеченец по имени...

-Рамазан? Ты ли это? – наконец, вспомнил я.

Чеченец, как мне показалось, облегченно вздохнул.

-Вот это встреча, растерянно пробормотал я. А ведь ты помню, звал меня в гости. И обещал напоить своей яблочной наливкой.

-Было дело... Только вот с гостями не очень-то на сей раз получилось. Незваным ты оказался... Рамазан вопросительно посмотрел на меня.

-Да, да помню, помню, как ты со мной спорил до хрипоты, защищая суверенитет своей республики, как бы не замечая упрека, продолжал я.

-Все доказывал мне, как у вас будет хорошо после того, как Чечня станет независимой.

-Ну и как, оправдались твои ожидания Рамазан?

Рамазан вздохнул. Глаза стали суровыми и печальными. Он обвел вокруг все глазами и тихо сказал:

-Ты сам видишь эти ожидания. И немного помолчав, уже слабеющим голосом добавил: - Дудаев оказался для чеченцев не тем человеком, который объединяет и вдохновляет... А ведь я в него вначале крепко верил и надеялся, потом пришли вы и все пошло под откос. Все так перепуталось...

Рамазан внезапно замолчал. Я бросился к нему и, взяв руку, прощупал пульс. Сердце еще билось, но произошла большая потеря крови, и Рамазан потерял сознание.

-Господи! Помогите ему! Я побежал в соседний дом за помощью. Но на мои крики никто не отзывался. В одной из комнат я сорвал с кровати простыню и побежал назад. «Калашников» неприятно бил по спине, но сейчас этих неудобств я не замечал. На ходу разорвав простыню на несколько кусков, я приступил к перевязке того, кого еще недавно должен был лишить жизни. Куски белой ткани вскоре стали ягодно-красными, но кровотечение было остановлено. Где-то за домом послышался шум приближающейся машины. Оставив Рамазана я побежал к дороге и вскоре отчаянно махая руками, остановил «Урал», водитель которого сердито заорал: «Что под колеса лезешь?! Черт бы тебя взял!». И уже затем, увидев на моих погонах звездочки прапорщика, чуть тише спросил: - Случилось что?

-Человека в медчасть отвезти надо. Здесь совсем недалеко. Давай брат, ведь помрет скоро. Водитель нахмурился. Видно было, что ему не очень хотелось ехать куда-то в медчасть, когда цель, к которой он добирался, была уже так близка. Но все же не отказал. И мы вскоре подъехали к тому месту, где лежал Рамазан.

-Да ведь это чечен! – возмутился водитель.

-Не повезу. Пускай здесь поддыхает! С нашими они так не цацкаются, товарищ прапорщик, как вы с ними.

Я вскинул автомат и направил на оторопевшего шофера:

-Если не поможешь, здесь лежать останешься, вместо него. Я его сам перетащу и потом уеду. Ты все понял?

Было видно, что молодой парнишка испугался не на шутку. Он ничего не сказал, а только замахал головой в знак понимания, что на все согласен. Еле дышащего Рамазана мы осторожно перетаскивали в крытый кузов. «Урал» негромко заурчал мотором и тронулся с места. За окном кабины замелькали разрушенные дома и редкие вдоль дороги деревья. Дождь весело барабанил по кабине, а на душе было очень тоскливо.

«Нагибайся только для того, чтобы поднять павших, и имей всегда ума больше, чем самолюбия», - вспомнил я почему-то изречение древневосточного философа.

Жизнь по-прежнему шла своим ходом, не обращая внимания на смерть и слезы, вызывая у меня теперь лишь одно желание – выжить.

Чик-чик

-Брат, водку хочешь? Небольшого роста узкоплечий чеченец широко улыбаясь, держал в обеих руках по бутылке водки.

-Какой я тебе брат? Нахмурился Сергей. Попался бы я тебе в горах, по-другому небось запел бы.

-Ну, зачем так? – сделал удивленное лицо чеченец.

-Я тебе водки - ты мне патрончики, чик-чик... Снова улыбнулся он.

-Зачем, зачем. Передразнил Сергей. Я вот так думаю борода, может быть, мы потому и не понимаем друг друга и между собой драку ведем, что ты здесь в кавказских горах подобно орлу привык к свободе и высокому полету, а мне, медведю, земли и леса хватает?

-Хорошо брат говоришь! Нравится мне речь твоя. Чеченец заулыбался желтыми прокуренными зубами. Верно мыслишь! Не так как они. Чеченец повернул лицо к брезентовым палаткам российской армии.

-Эх, кабы все так думали, как ты, может быть и не воевали мы сейчас друг против друга?

-А насчет патрончиков все-таки как? Договоримся?

-Не договоримся. Вон иди к «шакалам», они тебе дадут то, что ты просишь. Сергей сплюнул сквозь зубы и его рука непроизвольно потянулась к рядом лежащему «калашникову». Чеченец удивленно посмотрел на Сергея, но все же поспешил удалиться.

«Шакалами» солдаты и сержанты звали офицеров. Чеченская война – странная война. Когда Сергей брал Грозный в январе, всем офицерам запрещалось вступать в контакт с чеченцами. Сейчас же они поддерживают с местными жителями тесный контакт. Приезжают в часть полевые командиры и шушукуются с теми, кому Сергей подчиняется. Привозят с собой щедрые дары в виде водки, спирта, мяса, огурчиков. Взамен получают топливо, солдатскую тушенку, оружие с патрончиками чик-чик... А ночью гибнут солдаты, и стреляют в них из приобретенного днем оружия. Бедная армия. Имея таких продажных офицеров и вышестоящих начальников, сколько еще будет длиться эта война? Сергей зло выматерился. Невольно создается такое впечатление, что эта война для чеченцев не обходится без щедрой материальной подпитки таинственных финансовых воротил...

-Эй, ты, урод! Ну-ка живо сюда!

Сергей оглянулся и увидел невдалеке краснощекого, с посиневшим от пьянок носом, майора Демина. Рядом стояли бородатые чеченцы и чему-то улыбались. Сергей надел на плечо автомат и пошел на зов.

-Бегом, недоношенный! – завопил майор.

Сергей исполнил приказ и остановился в метре от командира.

— Товарищ майор, младший сержант Конин по вашему приказанию прибыл. Сергей опустил руку от виска и ждал дальнейших распоряжений.

-Проводишь на склад ГСМ, пускай Бойко отпустит им солярки. Скажешь, что я разрешил.

-Слушаюсь, товарищ майор. Только вот зачем вы при моджахедах меня так?

-Что-о!? Майор страшно округлил глаза и схватил Сергея за грудки.

-Ты еще смеешь мне указывать, что говорить, скотина?

-Не будет чеченов – делайте что хотите, но при них-то зачем так, товарищ майор? Не унимался Сергей.

-Молчать! Ублюдок! От майора сильно пахнуло спиртом. Порой он казался почти невменяемым. Удар в лицо был мощным. Когда Сергей стал подниматься с земли, облизывая окровавленные губы, раздался смех. Смеялись чеченцы. А разъяренный майор уже звал кого-то из солдат на подмогу.

-Якимов, Нестеренко, бегом ко мне! Разоружить этого урода и отвести на гауптвахту на пять суток. Исполняйте!

Гауптвахта в чеченских условиях – настоящая яма метров пять глубиной. Это Сергей знал. В нее сажали провинившихся солдат кормить червяков с сороконожками. Благо вшей и всякой нечисти хватало.

-За что, товарищ майор? Сергей снял с плеча автомат и передернул затвор. Приблизившиеся было солдаты отпрянули назад, а майор Демин вдруг побледнел. Он был боязлив, в полку это знали все. Ночью он никогда не выходил к постам, где караулили солдаты. Между тем чеченцы перестали смеяться и стали медленно отходить назад.

-Ты что это задумал?! С грозных поначалу нот, голос майора перешел на визгливый, и это почему-то рассмешило Сергея.

-Что, испугались, товарищ майор? Продажная шкура, ты же нас за людей не считаешь! Сергей поднял ствол автомата. В его глазах не было злобы, одно отвращение.

-Не с-смей! – заикаясь, прокричал майор и нетвердым шагом начал пятиться от Сергея. А на Сергея неожиданно напал приступ истеричного хохота. В эти мгновения он походил на сумасшедшего, с силой давящего на курок своего «калашникова». Короткий, нечеловеческий крик упавшего на землю майора, заставил вздрогнуть всех присутствующих. Чеченцы бросились врассыпную к лесу. Опережая друг друга и что-то крича на своем языке, их издалека можно было бы принять за соревнующихся между собой в беге удалых джигитов. Сергей не целясь дал им вдогонку автоматную очередь.

Вызванные майором Якимов и Нестеренко еще при первых выстрелах побежали к солдатским палаткам за оружием. Внезапно стало тихо, Сергей перестал смеяться и стрелять. Он вдруг понял что совершил, но к своему удивлению не испугался этого. Со злостью, бросив автомат на землю, он не спеша направился к палаткам. Ему хотелось спать. Он не сошел, с ума, хотя и был на грани этого. Только сейчас Сергей понял, как все это бессмысленно! Война, смерть, предательство, воровство и никаких идей за которые сражаясь, можно было бы умирать или жить дальше.

09.95г.

Долг - платежом красен

-Леха, ну что, идем за мясом? Все эти каши у меня давно уже вот где сидят – указал ладонью на горло Григорий.

-Вдвоем не дотащим, нужно взять с собой еще кого-нибудь, соглашаясь идти в ближайший аул за добычей, аппетитно потянулся Алексей.

-А зачем корову тянуть сюда? Отрежьте на месте лакомые куски, сложите в рюкзаки и можно считать, что пару дней проживем более или менее сытно, - подсказал рядом сидящий Виктор.

-Тоже разумно. Ну что же, тогда варите пока гарнир и чай. Мы скоро будем. Алексей надел на плечо автомат. Григорий свое оружие оставил в палатке, взяв с собой только штык-нож и два рюкзака. Вскоре товарищи, хоть и без особой веселости, но вполне уверенно взяли курс на ближайшее селение. После июньского захвата Буденовской больницы бандитами Басаева и последующего ее освобождения в ходе переговоров, дабы не рисковать жизнями сотен женщин и детей, российская армия вот уже третий месяц бездействовала. Теперь шли малопонятные переговоры, не ясно с кем и на каких условиях.. Ухудшилось продовольственное снабжение армии. Солдаты питались в основном кашами, иногда давали рыбные консервы. Приходилось волея-неволей соблюдать жесткую диету. Неподалеку находилась разбомбленная ферма. И оставшиеся в живых ничейные коровы бродили без всякого присмотра по близлежащим лугам. Их в последнее время и отстреливали полуголодные солдаты. Напряжение и злоба постепенно накапливались и с той и с другой стороны. Война явно затягивалась, гражданская война, в которой не будет победителей и побежденных.

Вскоре они подошли к небольшому леску, где мирно паслись три коровы и две козы.

-Гляди, Леха! Наши шашлыки траву жуют.

-Тихо, без тебя вижу, - поднял левую руку Алексей. Подходи тихо, без шума. В его глазах появился блеск охотника. Он вставил рожок-полумесяц в родное гнездо и подойдя к ближайшей от него буренушке, стал медленно поднимать автоматный ствол.

Алексей с Григорием были контрактниками - «контрабасами», на языке российских солдат, или просто наемниками, на языке чеченцев. Таким как они, в плен сыновьям кавказских гор, лучше было не попадаться. У чеченцев они считались вне закона. Если откровенно, на эту войну их погнало полное безденежье в мирной жизни. Каждый из них имел семью. И поэтому обещанные пятнадцать миллионов за первые три боевых месяца были бы весьма, весьма кстати. Неожиданно, вспомнились слова капитана из военкомата, который оформлял документы Алексея: «А стоит ли тебе туда ехать, парень? Может быть, еще подумаешь?» Невеселая улыбка бывшего человека, заставила Алексея призадуматься. Но и только. Желание заработать большие деньги и поскорее, развеяли все сомнения. Григорий и Алексей когда-то служили в Афгане поэтому контракт на три года службы в армии, для них казался еще не самым тяжелым испытанием в и без того нелегкой жизни уже немолодых людей.

«Мальчишек жалко, воевать не умеют. Пора ветеранам братья за оружие» - шутили они, как бы оправдывая свое спорное решение. Кто же знал тогда, что вместо серьезной войны придется коров подстреливать...

-Леха, - неожиданно раздался тревожный голос Григория, к нам кто-то едет! Алексей оглянулся на голос товарища и увидел как вдалеке по пыльной дороге на большой скорости к ним приближались белая «Волга» и такого же цвета побитые «Жигули».

-Леха, духи! Бежим к лесу! Действительно, в лобовом стекле «Волги» виднелись лысые головы с зелеными повязками на лбу. Но откуда здесь взяться чеченцам? В этом ауле уже давно никаких боевиков не видели. Рядом стоит вооруженный до зубов русский батальон, а эти brave ребята не бояться, что их услышат из-за стрельбы?

Странно, может быть, они думают взять нас живьем, без единого выстрела, словно баранов? Нет уж! Алексей уже однажды видел трупы молодых сержантов и солдат попавших в плен с отрезанными мужскими достоинствами. Так поступают только варвары.

Жаль, что у Гришки нет автомата, успел подумать он, во всю прыть, пустившись бежать к спасительному лесу. До «зеленки» - леса оставалось метров пятьдесят, когда резвые «Жигули» начали отсекать им дорогу, выехав наперерез откуда-то с боку. «Волга» шла сзади, почти по пятам.

-«Не стреляют, гады, хотят взять живьем!» - лихорадочно думал Алексей. От быстрого бега под припекающим августовским солнцем, пот стекал крупными каплями.

-Гриша, беги в лес, я задержу их! Он резко остановился и дал очередь из автомата по движущимся в лоб «Жигулям». Ровная строчка пулевых дырок, появившаяся на переднем стекле машины лишила автомобиль управляемости. И она с убитым наповал водителем покатила куда-то в сторону. Автоматная стрельба по «Волге» была несколько длиннее. Через какое-то время из нее выскочили трое бородачей и открыли ответный огонь. Пассажирам этого белоснежного автомобиля повезло несколько меньше, нежели чеченцам из «Жигулей». Двух человек, водителя и рядом сидящего боевика, уже не было в живых. Приседая и отстреливаясь, Алексей быстро приближался к лесу. Придерживая левой рукой спаренные изолентой рожки, он как бы гладил свой автомат, надеясь теперь только на стального друга. Добежав до первых деревьев, Алексей сделал короткую очередь из «калашникова» и не разбираясь куда бежит, прыгнул в колючие кусты шиповника.

-Леха!, сюда быстро! Из-за ближайших сосен азартно махал штык-ножом Григорий. Неприятно Алексей почувствовал обжог в левом плече. Резкая боль заставила негромко зарычать.

-«Ранили суки». Подбежавший Григорий схватил товарища под руку и поволок в глубь леса.

-Оставь, Гриша, так нас обоих завалят. Держи автомат и разбежимся в разные стороны. Все больше шансов выжить, мы же десантники такую-то мать, вспомни Афган. Что-то подобное со мной произошло под Кандагаром.

-Но ты ведь ранен, Леха!

-Вот именно, поэтому оставь меня, возможно хоть тебе удастся прорваться к нашим. Их осталось не так уж много. Дай мне свой штык-нож и беги, только ради Бога, больше ни слова. Они обнялись, прижавшись друг к другу лбами.

-Прощай, Леха!

-До свидания Гриша!

Григорий молча взял автомат Алексея, затем отдал товарищу свой штык-нож и уже через мгновение скрылся в ближайших кустах, густо разросшейся малины. Алексей

осторожно присел тут же в кустах малинника, окруженного высокими деревьями. Правой рукой, в которой был носовой платок, он прижимал кровоточащую рану. Боль усиливалась, и несмотря на жаркую погоду, Алексея стало морозить. Где-то в стороне раздались снова автоматные выстрелы. Гришка воюет, - узнал по звуку свое оружие Алексей. Вдруг, всовсем рядом, треснула сухая ветка. Кто-то был очень близко. Осторожно приподнявшись, Алексей увидел стоящего в нескольких шагах от него чеченца-боевика, к чему-то внимательно прислушивающегося. И тут их глаза встретились. Хотя Алексея не было видно, он понял, что его обнаружили.

-Встань собака! Не пристало мужчине принимать свою смерть лежа! Алексей осторожно вынул штык-нож из ножен и уже поднимаясь во весь рост, неожиданно для чеченца со всей силы метнул стальное лезвие в своего врага.

Два приглушенных вскрика раздались одновременно : один принадлежал чеченцу, в горле которого торчал широкий нож, второй Алексею, который почти теряя сознание от дикой боли в левом плече, упал рядом с поверженным боевиком.

-Сам собака, выругался морщась от боли Алексей, воевать-то умеешь только из-за угла, по- воровски, да прикрываясь бабьими юбками, как это было в Буденовске.

Вдалеке вновь раздались выстрелы. Глаза Алексея были словно в белой пелене. Силы оставляли его, появилась слабость и полная апатия ко всему происходящему вокруг. Вдруг Алексею почудилось, что его кто-то трясет за руку.

-Леха, неужели это ты, Леха?

Алексей с трудом открыл глаза и увидел склонившегося над ним черноволосого чеченца. Это лицо он когда-то знал, но сейчас ничего не мог вспомнить.

«Где я уже видел этот шрам под левым глазом?»

-Леха, ты меня помнишь? – продолжал чеченец. Ну как же так? Вспомни дорогой, трехкилометровый туннель Саланга, ракетно-зенитную часть, которую мы, десантники сопровождали!

-«Господи, это же Руслан. Мы вместе воевали в Афганистане. Тогда, в 80-ом, молодых и малоопытных мальчишек, служивших в советских десантных войсках, вместе с другими армейскими частями везли через этот проклятый длинный афганский туннель. Молодые водители где-то на половине пути вместо того чтобы ехать помедленнее, начали набирать скорость, при этом нещадно газуя выхлопным бензиновым перегаром. Воздуха не хватало. Угарный газ поглощал последний оставшийся кислород в подземелье. За этот печально знаменитый переход советские солдаты потеряли двенадцать человек, остальные спаслись чудом. Уже слабеего, теряющего сознание Руслана, Алексей вынес тогда на своих плечах из длинного туннеля на чистый воздух, где сделал ему искусственное дыхание. Благодаря Алексею чеченец остался жив, но теперь, при встрече с бывшим товарищем, Алексей не знал, что ожидать от сегодняшнего Руслана.»

-Ох, беда, беда! Ну зачем ты убил Рустама? Вдруг запричитал Руслан.

-Он хотел убить меня – слабеегим голосом ответил Алексей.

Руслан печально качал головой, склонившись над Алексеем и вдруг словно вспомнив кто он и кто перед ним сейчас лежит, тяжело с надрывом застонал, будто раненный зверь. Злость и радость одолевали его одновременно, он не знал как поступить, какое принять решение. Так он просидел секунд тридцать, не больше, но это время Алексею показалось вечностью. Сейчас решалась его судьба, жизнь Алексея была в руках Руслана, которого он пятнадцать лет назад спас от смерти.

-А помнишь майора Цейхмана? Вдруг спросил Руслан. И не дождавшись ответа, продолжал дальше, - какой мужик был! Помнишь, как он нас пацанов, жизни учил?

-Шаланды полные кефали, в Одессу Костя привозил... Его любимая песня! Помнишь как он смеялся, какой у него смех был... Это ведь только в кино про Рембо американцы нас неполноценными солдатами выставляли. Вот мол, какие дураки и сволочи в Афганистане воевали. Хотя это, может быть, России даже на пользу. Не дай Бог, случись война между Америкой и Россией – мир враз, прозреет. Потому что в битве гигантов про бутафорского, вечно побеждающего Рембо сразу забудут, а если и вспомнят, то лишь с досадной улыбкой.

-Видать и тебя задели американские сказки об афганской войне, если ты так патриотично заговорил о нашей России, усмехнулся Алексей.

-В общем, этот фильм я помню, Руслан и согласен с тобой. Только к чему все эти слова сейчас? Ты ведь знаешь, что тебе надо делать. Не оттягивай.

Руслан вздрогнул и снова посмотрел на Алексея.

-Снимай афганку, только осторожней, Кровище -то сколько!

-Зачем?

-Перевяжу тебя, балбес!

Руслан больше не смотрел на Алексея. Он принял решение и действовал быстро, почти автоматически. Когда плечо было перевязано, он дал Алексею выпить воды из своей фляги. Алексей почувствовал облегчение. Холодная влага, подобно живой воде, придала немного сил и уверенности.

-Лежи здесь и не высовывайся, пока мы не уйдем. Сможешь идти сам, к своим – вали! Если чувствуешь себя слабо, то через два-три часа я подойду сюда. Долг – платежом красен. Кажется, так у вас, русских говорят?

-А ты что, уже не наш, не русский?

Руслан покачал головой : «В Афганистане мы были все русскими, теперь мы стали другими, Леша, к нам вернулась память того проклятого 44-го года, когда весь чеченский народ вывезли в степи Казахстана. И нам с вами уже не по пути.

-А за что вывезли, хоть знаешь?

-Да, Сталин был жесток, но вывез он тогда твой народ за предательство, которое учинили оставшиеся в республике чеченцы. Они ведь что хотели? Руками германца от Союза отделиться... Аль не знал этого Руслан? А в истории брат ничего просто так не бывает!

-Не зли меня Леша! Аллахом прошу! Некогда сейчас басни гутарить... Короче, сиди тихо здесь. Я потащу Рустама к машине. Из-за вас, сегодня до заката солнца придется хоронить четверых боевых друзей.

-*Nora perit, mers aberit* – почему-то в ответ сказал Алексей.

-Не понял!? Удивленно вскинул брови Руслан.

-По латыни это значит : время придет – смерть придет, пояснил Алесей.

-А тебе Руслан, спасибо.

-Долг – платежом красен повторил, насупившись Руслан, уже не глядя на Алексея.

-Удачи тебе друг, за мной не приходи, я сам попробую добраться до своей части, здесь не очень далеко.

-Ну смотри, как- то облегченно сказал Руслан, искренне пожимая здоровую руку Алексея.

-Пусть нам поможет Аллах больше не встречаться на поле боя!

-Господи, помоги нам в этом! Согласился Алексей.

На войне как на войне

Врач дивизиона Рафкат Сулейманов тоскливо смотрел на свое скромное медицинское богатство состоящее из двух мешков бинтов и огромного ящика с просроченными лекарствами, сиротливо стоящими в углу вместительной офицерской палатки, и тихо матерился. Что скрывать, было отчего пропечатать нецензурным словом всю эту неподготовленную, спонтанно начатую кампанию конца 94-го начала 95 годов в Чечне. Влезть в дерьмо, мы как всегда успели, вот только без спецодежды, и с голыми руками, в общем лихо, по-русски, думал Рафкат. Печаль медика, действительно, можно было понять. Кроме перевязочных материалов под руками не было ничего. Чем лечить бойцов, которые кроме ранений, еще и чесоткой обзавелись? Хорошо еще вши не заели после месяца проведенного в Грозном без бани.

Дивизион артиллерийского полка в котором служил Рафкат, был придан мотострелковому полку, плюс Чебаркульский гарнизон. По сравнению с другими полками Российской армии, здесь потери были минимальными, да и то по бестолковщине. А дело было так. Коллегам-артиллеристам из Нижнего Новгорода была дана задача уничтожить предполагаемое скопление боевиков в заданном районе. Беда заключалась в том, что между нижегородцами и чеченцами, как раз по траектории полета снаряда предполагаемой цели, находился полк в котором и служил Рафкат. Было произведено три пробных выстрела. На счастье екатеринбуржцев, командир из Нижнего, умным попался. Увидев куда летят снаряды, прекратил стрельбу. Но и того, что улетело, хватило на три невинные жизни. Погибло двое солдат, а еще один прапорщик сгорел в машине. Были и раненые. Среди них и его друг подполковник Климец. Словом досталось многим «на орехи». Что скрывать. Если бы потерь чуть побольше было... Тут Рафкат тяжело вздохнул. Хорошо, артиллеристы не участвуют в контактном бою, это только и спасает. Будь по-другому, все пришлось бы добывать солдатской смекалкой. К примеру, как это было три дня назад, когда Рафкат вспомнив уроки нехитрого армейского бизнеса смог выменять за 15 бутылок коньяка «Кавказ», добытых после захвата Грозненского водочно-коньячного завода – сорок баночек серной мази, у коллеги врача-дерматолога. Неожиданно в палатку вбежала Анджела Костюник, старший лейтенант медицинской службы, помощник Рафката.

-Товарищ майор! В одном из подвалов, наши бойцы случайно обнаружили целую аптеку! Майор Рыбаков с солдатами ждут вас. Может чего отберем для своих нужд?

-Далеко отсюда? – оживился Рафкат.

-Да нет, товарищ майор! Один квартал отсюда!

-Молодец Анджела! Рафкат быстрым шагом направился к выходу. После взятия Грозненского водочного завода, это, что греха таить, пока вторая хорошая новость. Минут через десять они уже спускались в холодный, пахнущий сыростью подвал, который находился в неказистом со снесенной крышей трехэтажном доме.

-Ого! Глубоко влезает, удивился Рафкат, спускаясь вниз по ступенькам. Майор Рыбаков говорит, что здесь не меньше пятнадцати метров, осторожно идя следом подала голос Анджела. Когда последняя ступенька, наконец, была преодолена у Рафката, как у профессионального врача, от увиденного радостно забило сердце. И было отчего. В просторном подвальном помещении, в три ряда стояли стеллажи на которых покоились многочисленные ящики с красным полумесяцем и ничего не говорящим для человека из России арабским шрифтом.

-Вот посмотри Рафкат, может, что и нам сгодится? Подошел к Сулейманову майор Рыбаков.

-Сгодится, то может и сгодится, да вот только бы еще понять, что за лекарства здесь находятся. Вензеля ведь восточные.

-Хотя подожди, Рафкат стремительно присел возле вскрытого фанерного ящика. Взяв в руки несколько красивых коробочек, Сулейманов радостно присвистнул.

-А ведь положение, братцы, не такое уж и безнадежное!

-Чего, не безнадежное? Не понял рядом стоящий Рыбаков.

-Да вот смотри! Улыбающийся Рафкат, сунул Рыбакову едва не под нос, небольшой желтый пакетик.

-Видишь, состав лекарства напечатан по латыни! Благодаря этому, я буду знать для чего именно предназначена та, или иная упаковка!

-Ну вот и хорошо! Почему-то обрадовался Рыбаков. Поэтому поводу у меня для тебя персональный заказ. Ведь как поется в песне : «У волшебника Сулеймана, все по честному, без обмана!» Ты Рафкат, побыстрее найди «закрепляющие» таблетки....

-Вижу, вижу в твоих округленных глазах непонимание моей столь непростой мысли, ну да ладно, так и быть, откроюсь тебе, как на исповеди.

-У меня в последнее время от некачественной пищи живот не держит. Видишь, в двух карманах брюк, по пол -рулона туалетной бумаги держу!? Наверное, уже половину Грозного обо..., а конца пока так и не видно. Все присутствующие громко рассмеялись. И лишь Андже́ла смущенно отвернулась, делая вид, что последние слова озорника-майора, ею не были услышаны.

-Ладно Саша, поможем твоей беде, не растерялся Рафкат. Иначе, никак нельзя, ибо сейчас отказать тебе в помощи, себе дороже, считай без противогаза в городе и появиться будет нельзя! Повторный смех, казалось потряс все подвальное помещение.

-Ну ладно, пошутили и будет. Примирительно улыбнулся Рафкат. Давай Саша, организуй бойцов для переноса всего этого богатства в мою медицинскую палатку.

-Сделаем Рафкат.

-Лужков, ко мне!...

.....

МТЛБ, командно-штабная машина, на полной скорости буквально разрывала тяжестью своих стальных гусениц, подталый снег, вперемежку с рыжеватой землей. Вечерело. Ночь приближалась стремительно. На броне находилось пятеро человек. Все следовали из Грозного в небольшое селение Гекаловское, чтобы на месте проверить сведения разведчиков, что в данном ауле скрываются боевики, не исключалось, что здесь же мог находиться и склад с оружием. Недавно подполковник Бойко, командир артиллерийского полка обратил внимание, что ближе к вечеру из Гекаловского, стремительно выскакивала белая «Волга» и на полном ходу вскоре исчезала в близлежащем лесочке. Причем делала она не меньше двух ходок, а то и больше, примерно в одинаковое время. Подозрение пало на данный автомобиль, как на основной перевозчик оружия для боевиков. Дня два сам Бойко сидел в окопах с секундомером в руке обозначая, когда и сколько раз подозрительная «Волга» отправлялась «на дело».

Причем на второй день неугомонный подполковник сделал несколько выстрелов по маршруту движения чеченской машины, тем самым пристреляв близ лежащую местность. На третий день все было готово к встрече с «летучим чеченцем» и в момент появления автомобиля, 2С3-самоходное артиллерийское орудие или просто «Акация», точно в цель «выплюнуло» свой гостинец для ничего не подозревающих двух бородатых детин. Попадание было стопроцентным! После обследования разорванной в куски легковушки, кроме найденных в неприличных позах боевиков, как и ожидалось, было обнаружено и легкое стрелковое оружие. Именно поэтому, чтобы лучше разобраться в конкретной ситуации и произвести намечавшуюся на утро зачистку подозрительного аула, на броне уже упоминавшегося МТЛБ ехали трое офицеров и двое солдат. Рафката, как опытного врача срочно вызвали по радиосвязи в помощь намечавшейся операции раненого в ногу солдата. Подполковник Александр Климец, должен был присутствовать при зачистке селения, как руководящее звено. Александр Крылов-топограф, недавно прибывший из Моздока для рекогносцировки данной местности. Иными словами – изучения и нанесения на карту конкретной территории района боевых действий.

Было уже совсем темно, когда неожиданно на одном из поворотов виляющей словно змея дороге, командно-штабную машину ярко осветили большим фонарем.

-Стой! Кто на броне!? Голос подполковнику Климцу показался с акцентом.

-Чечены... Почему-то решил он и неожиданно для всех дал очередь из автомата по ослепляющему глаза светилу. И тут со всех сторон, словно тараканы, на броню полезли вооруженные люди в камуфляже. Соппротивление было бесполезно. В считанные секунды все шестеро, в том числе и водитель, беспомощно расплоспались на земле. Удары коваными ботинками вперемежку с сапогами испытал каждый без разбору. Кругом стоял сплошной мат, поэтому что-либо разобрать, к кому в руки попали наши герои, было просто невозможно. Порядком, помяв бока, и что более печально, разбив каждому лицо в кровь, всю великолепную шестерку до утра посадили в глубокую яму. Как сказал на последок один из ухмыляющихся конвоиров – утро вечера мудренее.

-Господа бандиты, сия ночь, простите великодушно, для вас будет без удобств.

-Они же за чеченов нас приняли! Догадался Крылов, поеживаясь от сырости и холода в довольно таки просторной яме.

-Да, кажись так оно и есть, согласился Климец поднимая воротник бушлата.

-А ты бы умник, не стрелял куда попало, глядишь минут через пятнадцать, мы бы уже возле Гекаловского щи хлебали, раздраженно бросил Рафкат.

-Да ладно вам, мужики. На войне как на войне! Вмешался Крылов. Если это наши, а я нутром чувствую, что это так и есть, считай мы в рубашке родились.

-Родились, не родились, примирительно отозвался Рафкат. Какая теперь разница? Вот у меня в кармане пузырек с витаминами завалялся. Угощайтесь, нам до утра силы беречь надо. Ссора - это последнее дело, тем более на войне.

-Лучше бы медицина, у тебя пузырек с чем-то другим оказался, тоскливо отозвался Крылов. Но как говорят : за неименнеем лучшего... короче, терапевт, давай свои витамины. И первым протянул грязную ладонь на звук голоса Рафката.

-Господа офицеры, про солдат не забудьте, тихо сказал подполковник Климец. После раздачи витаминов затянувшееся молчание, вновь нарушил неунывающий майор Крылов.

-А теперь товарищи по оружию, дабы не околеть аки собакам, а по утру проснуться мужиками, грейте друг-друга, иначе хана!

-Ладно тебе Сань ерничать, не до шуток теперь, подал голос Рафкат. И затем немного помедлив, добавил :

-Ох, скорее бы рассвет! И словно соглашаясь с предложением Крылова, первым прижался к бедру подполковника Климца, холод не тетка...

.....

Как и ожидалось, на утро, разобравшись в данной ситуации, полковник Шацкий, к которому попали российские офицеры, принес каждому свои извинения. Мол, чего не бывает на войне. При этом заметив, что на крик : стой ! Нужно было все- таки подчиниться требованию его людей, а не стрелять куда попало. Хорошо еще, что его бойцы русскую форму увидели, а то бы... Словом, если бы не нервы, все недоразумения разрешились бы еще вчера.

В общем, на войне как на войне. Обычные военные будни. Закончил свою речь, круглолицый Шацкий, в точности повторив ночное высказывание Крылова. На войне как на войне. Здесь мысли у всех одинаковы.

-Выжить, и не попасть в плен к врагу, остальное одному Богу ведомо....

...Если бы знать тогда, что России предстоит завязнуть в Чечне на долгие две военные кампании... Если бы все это предвидеть. Сколько бы можно было избежать горя и страданий. А ведь России, в то смутное время (после распада СССР), не хватило самого малого : толкового президента, и второго Жукова...

05.98г.

Кавказские пленники

Старик Хасан, едва передвигая ноги, подошел к глубоко вырытой яме. Его будущий колодец копали три тощих парня.

-Пашли, ребята. Пара абедать.

Дважды повторять не пришлось. Александр с Игорем кинули в уже вырытую трехметровую яму веревочную лестницу и вытянули на верх Сергея. Война войной, а обед по расписанию. Конечно, это громко сказано. Естественно, никакого расписания не было и быть не могло. Отношение чеченцев к русским было, мягко сказать, скверное. Кормили как скот. Что не доест хозяин, то остается собакам и пленным. И тем не менее слова о еде были, пожалуй единственной радостью для российских ребят за два месяца плена у чеченцев. Тяжело откашливаясь и потирая уставшие руки, все трое медленно побрели к сараю где они обычно ночевали вместе с коровами и козами.

-Нет,нет! Туда не ходи, сюда ходи! Старик Хасан позвал солдат за собой в дом.

Чего это он вдруг? Переглянулись ребята, но послушно пошли за стариком.

Когда они вошли в дом, на столе уже стояли тарелки с горячей вареной картошкой и тонко порезанной колбасой. От небогатой, но аппетитной пищи, почти у всех бывших солдат появилось обильное слюновыделение и легкое кружение головы.

Стоял март месяц, с картошкой была напряженка, все это прекрасно понимали, поэтому неожиданная щедрость хозяина была оценена радостными возгласами.

-Садитесь, ребята, садитесь. Старик Хасан повелительно указал рукой на стол, за которым бабушка Фатима без спешки нарезала хлеб.

Голодные парни сели за стол и вскоре дружно заработали ложками. Когда было почти все съедено, всем троим налили по стакану козьего молока.

-Пей, пацаны, мне нужен сильный работник. Вижу, отощали вы. Ведь я в отличие от соседа Руслана, панимаю : хочешь иметь хорошую работу – корми сыто свайх людей... Хасан поцокал языком и весело рассмеялся.

Александр с Игорем поддерживали старика улыбками, а Сергей мрачно опустил голову. Интересно, с чего это ты так подобрел ? Первое, что пришло ему в голову после услышанных слов. Работать приходилось с утра до позднего вечера. Отдыхали мало, едва присядешь, как через несколько минут уже доносится голос хозяина, напоминающий о работе. Вначале их охраняли поочередно двое сыновей Хасана. Но затем они куда-то исчезли и вот уже неделю не показывались. Впрочем, охранять в этом ауле их, может быть, и не стоило, так как с одной стороны были горы, с другой – голое поле. Куда бежать? Если кинутся вдогонку за беглецами, поймать, не составит большого труда. А там уже пощады не жди. Люди, убивающие каждый день себе подобных, обретают инстинкт зверя. Такова логика любой войны.

Неожиданно открылась дверь и в комнату вошли трое чеченцев. Один из них был сын старика Хасана. Вначале заговорили по-чеченски, затем перешли на русский.

-Как они работают, отец? – спросил сын Хасана Исмаил.

-Если плохо скажи мне. Мы поменяем их на хорошего коня. В соседнем селе Рошни нужны рабочие руки для скорой засевки пшеницы.

-Падаждем пака, сынок. Хороший конь - это, канечно, харашо. Но колодца он нам не выроет. Не будем спешить. Пака все харашо.

К притихшим парням подсел уже не молодой, но крепкого телосложения чеченец.

-Ну что, ребятки на волю хотите?

Сергей недоверчиво посмотрел на говорившего, Игорь с Александром тоже ждали, что он скажет дальше.

-Условие одно. Принимаете мусульманскую веру – и мы отправляем вас к вашим мамкам. Вернее передаем из рук в руки.

-А почему я, христианин, должен изменить своей вере? – поднял брови Сергей.

-Для того, чтобы русские мусульмане больше никогда не поднимали руки на своих братьев по вере, пусть даже они будут и другой национальности.

Говоривший чеченец внимательно посмотрел на Сергея.

-Интересно, а что вы сделаете с мусульманином-чеченцем, который изменит своей вере и перейдет в христианство? Чеченец нахмурился.

-Много болтаешь парень. Так ведь и без языка можно остаться. Исмаил рассмеялся и вынув из кармана нож, заиграл в руке острым лезвием. Сергей побледнел и еще ниже опустил голову. Александр с Игорем были тоже напуганы и не пытались это скрывать.

-Ладно, примирительно поднял руку пожилой чеченец, подумайте два дня. На все воля Аллаха! Пойдете на встречу моему предложению – не прогадаете. Он медленно встал со стула и повелительно повел головой, указывая на двери. Сопровождающие его люди вышли следом на улицу.

-Ну все, хватит на сегодня разговоров. Пара работать. Старик Хасан нервно подошел к окну и осторожно выглянул через занавеску на улицу. Ему явно не понравились слова этого полевого командира на счет своих работников-батраков. И главное – никто не спросил согласия самого хозяина. Но перечить командиру старый Хасан не решился.

До вечера вырыли яму колодца еще на два метра. Затем, поужинав черствыми лепешками с чаем настоящим на травах, трое бывших солдат, отправились спать в сарай, где их уже поджидали мирно пожевывая сено, несколько коров и коз.

-Ну что, мужики, что делать-то будем? – сладко растянувшись на длинных досках, щедро посыпанных старым пожелтевшим сеном, спросил Сергей. Дыривое одеяло было натянуто до самого кончика носа. Спина болела так, что даже не хотелось разговаривать. Но другого времени для этого разговора не было. Это понимали все. Но тем не менее на неожиданно прозвучавший вопрос Игорь с Сашей не промолвили не слова. После не большой паузы Игорь все-таки высказал свое мнение :

-Если другого выхода не будет, чтобы выжить, я приму мусульманство.

-Смешной человек. Ты же крещенный. Неужели можно вот так легко отвернуться от Христа? Сергей вопросительно посмотрел на Игоря. Хотя, что ждать от человека, который сам сдался в плен духам.

-Это не твое дело! Я не хотел умирать не известно за что. Я вообще не понимаю, зачем мы здесь и за что воюем! – резко ответил Игорь.

-Собака, предавшая один раз, предаст еще не единожды. А что касается того, за что мы воюем, так этого и я не знаю. Хотя если немного пораскинуть мозгами, можно понять, почему мы потеряли Крым, а там глядишь, за Чечней уйдет Татарстан, Курильские острова... Продолжим список дальше? Пока не остановимся на Московской или Екатеринбургской губернии?

Наступила тишина. Говорить больше не хотелось, но в разговор неожиданно вступил Александр.

-Ладно, мужики, примирительно начал он. Не будем трогать грязную политику. А вот как вы смотрите на счет того, что сынки наших великих военачальников, за исключением нескольких случаев, не воюют вместе с нами в этой проклятой Чечне?

-Или, быть может, они белой кости в отличие от нас, не удавшихся родом?

-Ты прав Саня, я тоже уже не раз думал над этим вопросом, но ответа пока не знаю, хотя и здесь, по моему все ясно. Своя рубашка всегда ближе к телу. От этого и нужно исходить. Снова возникшая пауза в разговоре уже не прерывалась. Всем хотелось спать, ведь ранним утром нужно снова под крики Хасана вставать, снова до кровавых мозолей батрачить на хозяина. Сергею почему-то вспомнилось начала своего плена, когда, выскакивая из горящего танка (а это было на одной из улиц Грозного), он забежал в ближайший подъезд дома и лицом к лицу столкнулся с чеченцем-боевиком, державшим в руках автомат. Потом все было как во сне. Бег через задние дворы. Погрузка его и еще нескольких пленных солдат на борт побитого «Камаза». И вот теперь этот Богом забытый аул в Урус-Мартановском районе. Что касается Александра, то его взяли в плен вообще в незавидном для последнего месте – больших колючих кустах, куда он пошел по нужде и напоролся на засаду из трех человек.

Игорь сдался в плен сам, в начале не желая этого, просто забежал в один из полуразваленных домов, пытаясь переждать штурм ближайшей улицы, которую с боем

Брал его родной полк. Там его и взяли с новеньким «калашниковым», разбив в кровь нос и зубы.

-«А что, если сегодня, прямо сейчас попытаться бежать?» Шальная до безумия мысль испугала уже засыпающего Сергея. А ведь чем черт не шутит? Сон сразу же куда-то пропал, заставив работать мозг на полных оборотах. Вопрос только : куда бежать, если впереди голое поле в три-четыре километра, хотя конечно, попытаться можно, ведь в последнее время никакой охраны не было. А где-то впереди должны быть наши. Два дня назад здесь уже появлялись в небе российские истребители. Значит российская армия уже на подходе. А так ведь могут еще увезти куда-нибудь в глушь, и кто знает, что будет дальше. Сергей осторожно поднял голову и посмотрел на своих товарищей. Те уже крепко спали. «Ладно, посплю еще часика два», решил Сергей, а под утро попытаюсь уйти. Можно бы это сделать и сейчас, но перед длинной дорогой нужно отдохнуть».

...Над ухом Сергея раздался телефонный звонок. И он, словно у себя в квартире, сонной рукой нащупав телефонную трубку, приложил ее к уху :

-Слушаю.

-Здравствуй, сын.

-Папа?

-Я только что говорил с твоей мамой. Она ждет тебя.

«Что за наваждение?» - подумал Сергей.

-Отец, но ведь ты умер?!

-Отец!!! В трубке раздалась долгая гудка...

Что за черт! У Сергея по коже поползли мурашки, и он окончательно проснулся. Уже светало.

«Господи! Проспал. Все летит прахом. Если бы не этот «телефонный звонок», я бы проспал последнюю надежду на сегодняшний побег. Наваждение какое-то». Сергей соскочил с деревянных нар и осторожно подкрался к маленькому окошку сарая. Вокруг стояла величественная тишина, и не души. «А пропади оно все пропадом! Надо рискнуть». Сергей посмотрел на спящих ребят и взялся за ручку двери. Затем, немного подумав, он в нерешительности помедлил, но все-таки направился к спящему Александру.

-Шура! Слышишь? Сашка медленно открыл глаза и ничего не понимая, сонно уставился на Сергея.

-Саня, бежать отсюда хочешь? Саша продолжал молчать, переваривая услышанное.

-Ну чего молчишь или хочешь дальше пахать на духов?

Саша, наконец, поняв смысл сказанных слов, по-детски наивно улыбнулся.

-Так ведь поймают же? Он почему-то не верил, что Сергей решился на побег серьезно.

-Ну как знаешь, все время бояться – себя не уважать. Я в своей жизни все время чего-то боялся, поэтому и ребята постарше деньги у меня часто забирали, а я отдавал безропотно, только бы не били. В армии от «дедовщины» терпел унижения, вот и напросился воевать сюда, в Чечню, благо хорошим механиком считался. Надоело всегда бояться. Хочу сегодня доказать, наконец, себе, что перестал быть трусом.

-Да что я перед тобою тут разоткровенничался?! – рассердился на себя Сергей.

-Идешь со мной? Или останешься здесь с этим холуем спину гнуть? – презрительно указал он глазами на спящего Игоря.

-Да ты и впрямь с ума сошел! – поняв, что все это не шутки, полностью проснулся Александр.

-Ну как знаешь, ведь главное – сделать первый шаг...

-Прощай, балда, даст Бог, еще свидимся. Сергей потрепал коротко стриженную голову товарища, и тихо приоткрыв двери старого сарая сразу же куда-то исчез. Перемахнув через деревянную оградку, он опасливо перебежал единственную в ауле дорогу и спрятался за высокими деревьями в сотне метрах от дома Хасана. Дальше шло голое поле, которое Сергей вряд ли бы успел пройти до неумолимо приближающегося рассвета. Единственным спасением были эти деревья, возле которых беглец решил подождать до ночи, а потом можно двигаться и дальше. К сожалению, деревья были без листьев, но зато их широкие стволы могли послужить надежным временным убежищем. Сергей очень надеялся, что его начнут искать в поле. На это и был поставлен весь расчет – может не догадаются искать его вблизи от места побега, такое мало кому могло придти в голову. Сергей ловко взобрался на одно из деревьев и стал ждать. Оставалось уже недолго. Зброшенный аул потихоньку просыпался гортанными голосами своих жителей. С утра было холодно. Порванный армейский бушлат был без теплой подкладки, которую старик Хасан забрал для своих нужд, а дырявые сапоги были мало пригодны для утепления мозолистых, натруженных ног.

Было примерно около восьми утра, когда на дороге показались первые вооруженные боевики, «меня ищут», подумал Сергей и сердце неприятно защемило от тревоги. Холодные руки отказывались слушаться, и поэтому приходилось сжимать одной ладонью толстую ветку, что бы держать равновесие, а вторую засовывать для прогрева в дырявый карман бушлата. Неожиданно в небе послышался нарастающий с каждой секундой гул самолетов.

-Наши, тоскливо посмотрел Сергей вверх, надеясь сейчас только на чудо. Вышедшие на дорогу боевики что-то шумно стали обсуждать и после небольшого совещания побежали назад к аулу.

«Пока пронесло», - облегченно вздохнул Сергей и стал следить за приближающимися русскими истребителями. Прошло не больше минуты с момента их появления, как вдруг началось что-то непонятное и ужасное. Такое Сергей видел только в фильмах про войну. Небольшие домики чеченцев начали взлетать вверх на несколько метров, падая на землю уже в виде битого кирпича, досок, черепицы... Взрывы следовали

один за другим, ровно ложась вдоль единственной улицы небольшого аула, не давая никаких шансов на жизнь его жителям. Какой-то бородатый чеченец с «калашниковым» через плечо, схватив ребенка на руки, бежал в сторону вырытого в земле погреба. За ним спешила молодая женщина с двумя детьми, еле поспевая и что-то громко крича. Но, очевидно, судьба сегодня была не на стороне этой молодой семьи. Взрыв, который произошел через мгновения, был страшен по своей разрушительной силе. Тела несчастных, а вернее, отделенные от туловища летающие в воздухе головы и руки показались Сергею видением из книг и фильмов ужасов. Его стало подташнивать, и во рту появилась обильная слюна. Бомбардировка продолжалась не больше трех минут, но от маленького аула почти ничего не осталось. Все было сравнено с землей. Кое-где еще горели деревянные дома, которые никто не тушил, наверное, потому что делать это уже было просто некому.

Сергей спустился с дерева и уже никого не опасаясь, сел на сырую землю. Хотелось курить. Два месяца он не держал в зубах простой папиросы, забыв вкус горького табака. Страшное видение все еще стояло в глазах потрясенного Сергея. Он не знал что делать дальше. Теперь он был почти свободным человеком, оставалось только перейти поле, за которым по далекому шуму военной техники угадывалось приближение российской армии. Сергей медленно встал и пошел к дому старика Хасана. Ему хотелось увидеть в живых кого-нибудь из этой семьи и прежде всего своих товарищей-пленников. Даже Игоря, которого он презирал, сейчас бы обнял и расцеловал как желанного друга.

Может, кто-то жив? Но все было тщетно. От дома Хасана остались груды кирпичей, между ними лежала мертвая бабушка Фатима. А на месте сарая, где Сергей находился еще ночью, зияла десяти метровая воронка, по краям которой валялись искореженные доски со следами крови... Чуть дальше из-под завала торчала чья-то сжатая рука с золотым перстнем на пальце. Такое носил сын Хасана Исмаил.

Снова мучительно захотелось курить. Судьба сегодня подарила ему еще один шанс в этой жизни.

-«Спасибо, отец! Если бы не твой звонок, лежать бы мне сейчас под этими досками...». Сергей размазал по щеке слезу, перекрестился и начал читать молитву :
-«Господи, прими их души....»

Затем, не прячась и ни на что больше не обращая внимания, пошел в сторону голого поля с единственной мыслью – быстрее выбраться из ада, который ему пришлось увидеть еще в этой жизни.

10.95г.